

В пять тридцатые, будильник еще не звонил, а я уже проснулся.

Все пятеро в общежитии спали: Чжоу Вэй храпел ровно и ритмично, словно под какую-то мелодию, которой не нужны слова; у Ван Хаораня все еще светился фонарик — вчера он заснул прямо над учебником по словарным словам, и луч света отбрасывал на стену небольшое овальное пятно; Ли Чжи перевернулся на бок, лицо его высунулось из-под подушки — высокие брови, узкая переносица, во сне он казался моложе, чем наяву. Я не стал их будить, надел новые кеды-освобожденки — отец купил их на лотке у ворот школы за пятнадцать юаней. Он говорил, что терраццовый пол скользче земляного, поэтому нужна нескользкая обувь. На самом деле они были не сказать чтобы нескользкие, но он не разбирался в таких вещах и просто старался выбрать самые дорогие.

Звуковые датчики света в коридоре зажигались один за другим по мере моего приближения и гасли один за другим у меня за спиной. В воздухе висел вчерашний запах меловой пыли и хлорки — за время летних каникул стены в школе перекрасили, и они слепили глаза своей белизбой. Возле умывальника какой-то ранний парень чистил зубы, пена выплескивалась из уголка рта, и он невнятно бросил мне: «Утро». Пять минут спустя я толкнул дверь класса.

Свет горел. На третьем ряду у прохода кто-то сидел — в белой рубашке, склонив голову, он листал «Высшую математику». Не школьный учебник, не задачник — вузовский учебник. Он дошел до седьмой страницы, указательным пальцем левой руки придерживал корешок, а в правой держал цанговый карандаш, кончик которого легонько постукивал по бумаге. Наверное, дочитал до места, где требовалось сделать паузу.

Услышав скрип двери, он поднял голову. Карие глаза переметнулись со страниц на меня и задержались на секунду — недолго, но в этой секунде уместились и узнавание, и неожиданность, и капля радости, которую он попытался спрятать, да не вышло.

— Ты чего так рано?

— И ты тоже.

Он опустил голову и продолжил читать. Я прошел к своей парте — самой последней, у двери. Внутри было пусто, ни одной вещи, совсем как вчера. Но та стопка белых листов рядом с ним — рукописных, где на первом странице карандашом было аккуратно выведено: «Обязательный модуль 1. Функция. Базовые выводы» — все еще лежала на его столе. Он пока не переложил их ко мне. Он ждал, ждал, пока меня не будет, чтобы положить. От этой догадки сердце у меня пропустило удар. С материалами в прошлой жизни всё было точно так же — стоило открыть учебник, как они уже лежали в парте. Кто их туда клал, в какой момент и сколько раз, я никогда не видел вживую. Теперь увидел: он ждал, пока я уйду, пока я оставлю свое место, чтобы пойти учить стихи в коридор или в туалет, а потом он очень естественным движением встанет, пройдет мимо моей парты и положит эту сточку бумаг. Весь процесс занимал не больше пяти секунд — так, будто невзначай, будто случайно.

Но я-то знал, что это не так.

Я достал учебник и открыл первую страницу. Множества — материал первого года старшей школы, но за три года в колледже в прошлой жизни я к математике не прикасался, и фундамент мой давно прогнил насквозь. Вникать в определения множеств, способы их задания, подмножества и собственные подмножества было всё равно что человеку, который отроду не умел плавать, читать самоучитель по плаванию: каждое слово знакомо, а вместе связать не удастся.

— Пересечение.

Голос раздался справа.

Чжун Цзинь стоял возле моей парты с термосом в руке, рукава белой рубашки были закачаны до локтей, обнажая шрам на втором суставе безымянного пальца. Крышкой термоса он указал на третью строку первой страницы учебника:

— Пересечение двух множеств — это область, где две окружности накладываются друг на друга. Сначала нарисуй рисунок.

— Линейки нет.

Он помедлил секунду, взял со своего стола автоматический карандаш и положил на мой учебник. Серебристый корпус, стержень 0,5, при нажатии раздается звонкий щелчок.

— От руки. Ничего страшного, если получится криво, главное — область наложения.

Я взял его карандаш — от корпуса еще исходило тепло его пальцев. Еле заметное, но это было тепло не от трения грифеля, а человеческое тепло, просочившееся через кончики пальцев в металл. Я нарисовал два круга, а место их пересечения закрасил штриховкой.

— Заштрихованная область и есть пересечение: принадлежит и А, и В. То, что есть в обоих множествах.

Он переложил термос в левую руку, а указательным пальцем правой легко коснулся моего рисунка.

Думал ли он о чем-то особенном, глядя на эту заштрихованную область? Два круга, два мира, область пересечения. Этот класс в Сянцзяне и был той самой областью пересечения. Он на первом ряду, я — на последнем. Расстояние между нами — тоже пересечение.

— Читай дальше.

Он выпрямился и с термосом в руке направился в коридор. Постоял немного в дверях, сделал

глоток воды, глядя на небо. Рассвет еще не наступил до конца, и тени камфорных деревьев на спортивной площадке казались огромными черными силуэтами. Он ждал не рассвета — он ждал, пока я задам ему второй вопрос.

Четвертый урок утром — математика. Чжоу Су вошел в класс без конспекта, в руках была лишь одна бумажка. Ему было пятьдесят, сухощавый, высокий, с толстыми, как донышки бутылок, линзами очков. Он положил листок на проектор — всего пять задач. Всего пять.

— Меня зовут Чжоу Су. Я не ругаюсь, я только даю шанс. На этом листке пять задач. Их получают все, но не в один день. В моем ящике четыреста сорок два листка. Когда все проверим, появятся новые. Решил — приходи ко мне за следующим. Не решил — можешь не приходить.

Его взгляд скользнул по классу и задержался на мне — наверняка уже дошли слухи об этом новеньком с самого последнего места. Затем он добавил:

— Каким бы ни был ваш текущий рейтинг, для меня существует только две категории: решено и не решено. Умных и глупых нет.

После этого он назвал имя:

— Ли Чжи.

Ли Чжи поднялся с места рядом со мной — волосы слегка растрепаны, судя по всему, он опять дремал. Но к доске он шел твердым шагом, мел взял совершенно естественно, словно эта сцена проигрывалась в его голове бесчисленное количество раз. Задание по функции развернулось на доске: область определения, область значений, монотонность, четность и нечетность — каждый шаг чистый и уверенный, мел выбивал о доску звонкие сухие удары. Весь класс следил за ним. Включая Чжун Цзиня. Он смотрел на Ли Чжи очень тихо, с той сосредоточенностью, на которую способны только равные по силам. Точь-в-точь как в прошлой жизни.

В прошлой жизни я сидел на последнем ряду, глядя на спину Ли Чжи, и вырезал эту картинку у себя в памяти. Тогда я думал: если настанет день, когда на этом месте перед доской окажусь я, будет ли Чжун Цзинь смотреть на меня точно так же? А потом я давил в себе эту мысль. Потому что я был последним. Тому, кто плетется в хвосте, не пристало мечтать о внимании лучшего ученика школы.

Но эта жизнь была другой. Я опустил голову и набросал на черновике систему координат. У меня не получалось провести такие же ровные вспомогательные линии, как у Ли Чжи, но первый шаг я сделал. Область определения. Знаменатель не равен нулю. Об этом как раз говорил Чжун Цзинь, когда объяснял мне про пересечения: начинай с того шага, в котором уверен. Сначала запиши то, в чем уверен. А остальное — шаг за шагом.

Когда прозвенел звонок с урока, на край моей парты упал листок. Не пять задач — другой лист бумаги. На нем аккуратным, убористым почерком было выведено:

— Множество -> Операция -> Функция -> Свойства -> График. Соблюдай этот порядок. Ничего не пропускай.

Никакой подписи. Я перевернул листок — обратная сторона была пустой, но в правом нижнем углу красовалась крошечная, почти неразличимая точка от карандаша. Точно такого же размера, какую он поставил на седьмой странице Высшей математики. Точно с таким же жестом, с каким он ткнул в учебник, когда учил меня закрашивать пересечения.

Я обернулся и посмотрел на предпоследний ряд у окна. Чжун Цзинь листал книгу — дошел до седьмой страницы и легко постучал пальцем. Затем он поднял голову, словно почувствовав мой взгляд. Наши взгляды столкнулись в воздухе через два ряда парт. Совсем ненадолго — меньше чем на секунду. Потом он снова опустил глаза в книгу, но я заметил, как его правое ухо от мочки до самого кончика медленно заливается краской.

Я аккуратно сложил листок и вложил его между страницами учебника. За окном на ветру шелестели листья камфорного дерева — темно-зеленые кроны были такими раскидистыми, что затеняли половину беговой дорожки. Под деревом стояла пустая каменная скамья.

Ровно через месяц Чжоу Су вызовет к доске еще одного человека. Не обязательно из первой тройки — достаточно просто решить все пять задач. То, что лежало у меня в руке, было не просто заданием, а коечем поважнее. Это была карта. Кто-то уже проложил дорогу от подножия горы к самой вершине и теперь ждал, пока я сделаю первый шаг.

Семнадцать дней спустя на первом ежемесячном тестировании я войду в тридцатку лучших. Больше никакого последнего места. И когда Чжун Цзинь обернется, чтобы посмотреть на меня, это будет не потому, что он стучит в дверь, умоляя впустить, а потому, что кто-то на последнем ряду бежит вперед с той же скоростью, что и он.

<http://bllate.org/book/19329/1890392>